
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ВЕЛИЧИЕ И ОГРАНИЧЕННОСТЬ ПОЛИТТЕХНОЛОГИЙ

Сегодня снова возрождается вера в тотальную формовку человеческих мнений. Когда в конце 30-х годов прошлого века радиоккомпания «Колламбия» посеяла панику, выдав инсценировку романа Г. Уэллса «Война миров» за сообщения о фактах, якобы имевших место в реальности, многие политики решили, что настало время инспирируемых «технологами» массовых психозов. Возникло ощущение, что поток искусственно создаваемых образов может деформировать массовые представления в любом направлении. Так родилось представление о безграничных возможностях манипулирования мнениями людей.

В 1943 году американская радиозвезда Кэт Смит обратилась к слушателям с призывом приобретать военные облигации и добилась невероятного успеха. Миллионы женщин мгновенно отождествили себя с образом, который диктовался звучащим из приемников голосом и который одновременно вырастал из внутреннего мира радиослушательницы. Богатую актрису, не имеющую семьи, сочли за скромную и бережливую хозяйку, за мать, встревоженную опасностью, которая угрожает ее детям. Так что же, создатели передачи сознательно стремились к такой мистификации? Ничего подобного. Она возникла стихийно, в результате коллективного заблуждения слушателей. Случай с Кэт Смит, с ее радиомарафоном может до конца объяснить лишь реальная ситуация, сложившаяся в Америке в канун военного кризиса, когда миллионы смятенных людей искали спасения в символах семьи, дома, прочного домашнего быта.

Однако в последующие десятилетия родилась гордыня манипулятивного знания, которая в наши дни приняла характер массовой паранойи. Множится число политтехнологов. С восторгом описывается отличная дрессура политических кампаний. С огромным энтузиазмом выявляются «безграничные» ресурсы пиара. Классифицируются приемы и приемчики, обеспечивающие будто бы гарантированный успех любой акции. Отдельные неудачи мгновенно списываются за счет «непрофессионализма» случайных лиц в политической элите манипуляторов.

Американский режиссер Майкл Мур подготовил в свое время своеобразное пропагандистское грибовидное облако. Сейчас выйдет фильм, и Буш будет буквально смят, а республиканцы растоптаны. Умопомрачительный монтаж, безупречная логика сенсационных разоблачений, лихая выстроенность фактов. Проблема только в том, чтобы поспеть к выборной президентской компании, а затем отпраздновать победу.

Но, увы, облако поднялось, но никого не испепелило. Буш остался в Овальном дворце. Непростительный просчет или ограниченность манипуляции в целом? Не имеем ли мы дело с иллюзорной управляемостью массового поведения? Оппозиция постоянно поднимает вопрос о том, что Обама не родился американцем. Но на эти трюки никто не обращает внимания.

Еще недавно создавались курсы общественного мнения, на которых изобличались американские телемагнаты. Зрителей учили разгадывать скрытые замыслы манипуляторов. Политтехнологи были окружены ореолом тайной власти. В обществе господствовала вера в магию слов, порождавшая нередко страх перед массовым внушением. В той же плоскости лежали и выводы об иллюзорном характере коллективных мнений, о неспособности индивида, инкорпорированного в толпу, к трезвому мышлению.

Сегодня становится очевидным, что влияние манипуляции опосредуется огромным количеством фактов, которые сводят на нет ухищрения в области психологического воздействия на аудиторию. Воздействие «сверху» через посредство массовых средств коммуникации наталкивается на какие-то реальные барьеры, выдвигаемые сознанием индивида. Оно, оказывается, может быть конформным и неконформным, податливым и устойчивым, открытым внешнему воздействию и ригидным, замкнутым. Фиксируемые всплески коллективных настроений выглядят разнородными не только по своей социальной направленности и содержанию, но и по конкретным проявлениям.

Индивидуальное сознание «массового человека» оказалось сложным сплетением различных установок: на этом уровне крайне трудно найти «ядро» тех или иных психо-

логических стандартов. Также далеко не всегда наличие образцов, которые навязывает манипуляция, можно обнаружить в поведении малой группы. Видимо, поведение и индивида, и группы, и массовых аудиторий обуславливается различными системами ритуалов, кодексов, нравов. В исследованиях социологов источник избирательности индивидуального сознания по отношению к навязываемым ему «мнениям» сегодня нередко усматривается в рудиментарном действии норм, ценностей, установок социальной группы, к которой индивид принадлежал ранее. Последнее означает, что само противостояние личности конформизму сегодняшнего дня есть не более как конформизм дня вчерашнего. Круг замыкается, сознание выглядит «странным» на всех уровнях. Иррациональность равно обнаруживает себя и в его податливости, и в его неподатливости, в его внешне-социальных проявлениях, и в его интимных глубинах.

В рядах современных диагностов общественного сознания царит растерянность. Термин «конформизм» приобретает чрезвычайно широкое истолкование. Под ним подразумевают и ориентацию на чужие мнения, и тенденцию к «массовизации», и неспособность к трезвому анализу фактов, и социальное приспособленчество, и всевластие коллективных стереотипов, и слепой диктат бессознательного над сознательной психической жизнью. Выходит, что успех фильма Мура и его ничтожно слабое воздействие на общественное сознание можно считать парадоксальными, необъяснимыми. Провал попыток «свалить» Буша был бы понятным, если бы фильм вызвал разочарование, протест, негодование. Но ведь всего этого не было.

Налицо загадочная ситуация. Очевидные признаки кризиса манипуляции, с одной стороны, и экспериментально обнаруженный и теоретически обоснованный конформизм на всех уровнях сознания, — с другой. Получается, что одно и то же реальное состояние общественного сознания описывается с помощью взаимоисключающих утверждений. Блеск манипуляции равно подтверждается и ее ограниченностью.

Между тем уроки, связанные с разбором полетов вокруг фильма Мура, очевидны. Индивидуальное сознание все же опирается, прежде всего, на фундамент прочных и достаточно реальных жизненных представлений. Простой американский фермер не утрачивает здравомыслия, когда речь идет о ценах на зерно, а горожанин не заблуждается относительно достоинств школы, которая находится в их квартале. Политтехнологи забывают, что политические установки людей могут формироваться под влиянием непосредственных условий жизни, на основе стихийно складывающегося социального опыта.

Там, где манипуляторы толкуют о косности бытового сознания, во многих случаях можно видеть здоровый

смысл. Его результаты далеко не всегда проводятся с логической последовательностью. Зато именно этот запас жизненного опыта служит защитной реакцией по отношению к вольным или невольным провокациям, к различным инспирациям господствующей идеологии, к прожектерским или просто дезориентирующим действиям верхов. Массовое сознание, сбрасывающие фикции манипуляции, нередко выступает против них во всеоружии своей «непонятливости».

История человечества полна примеров, когда самые изощренные приемы манипуляторов неожиданно разбивались о наивно-трезвые представления рядовых людей. Социальные авантюристы, герои фразы нередко терпели крах, столкнувшись с «мужицкой наивностью» и житейским практицизмом, простотой нравов и элементарной логикой. Сколь это ни элементарно, мы и в нашей российской реальности сталкиваемся с безоглядной верой в административный ресурс, в непреложность политтехнологии и ее организационных усилий. Кому-то наверху мнится, будто нужно во время подсуетиться и противопоставить общественному негодованию «мнение», выстроенное по заказу и призванное «утишить» народное неудовольствие. Кому-то кажется, что полоротая наивность народных масс — очевидный факт. Демонстрации протеста обездоленных слоев населения «перекрываются» картинками мудрых и законопослушных граждан, выкрикивающих нужные лозунги. Политтехнологам кажется, что они сумеют запутать общественное мнение, представить общественные события под углом зрения законности различных мнений, бытующих в обществе. Но если говорить по существу, эти организационные усилия можно расценить с позиции здравого смысла как политический цинизм, оруэлловский приемчик.

Психологическая усталость масс — многозначный феномен. Люди в немалой степени способны отличать расчетливые политические филиппики и стоящие за ними своекорыстные интересы. Политическое киллерство утрачивает привлекательность. Рядовые граждане, при всей своей внушаемости, без труда догадываются, что подлинная забота о благоденствии народа не обязательно должна рядиться в государственный патернализм, в мнимую зачарованность реформаторских авантюр. И вот все чаще вызревает простая истина: хотите получить голоса, оставьте наивную веру в «незрелость» масс, в тотальную внушаемость, в органическую неспособность людей понять, на какой тверди они стоят.

Там где манипуляторы фиксируют асоциальность личности, на самом деле можно обнаружить глубинную трезвость, которая возникает как следствие разочарования в реальности. Само конформное поведение все чаще оказывается лишь стадией, преходящей иллюзией человека, который временно принял «идола» за «бога».